

UNITED WISDOM

Деколониальное чтение: какие голоса исчезли из истории знания

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-20-N04 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Деколониальное чтение: какие голоса исчезли из истории знания

Представим небольшую выставку, посвящённую истории изучения растения. Под стеклом лежат записные книжки путешественника, рядом — его портрет и список научных публикаций. На одной странице карандашом отмечено, что сведения получены от местных жителей. Имена этих людей не указаны. Посетитель внимательно читает подпись: путешественник описал, собрал, открыл. Люди, которые объяснили ему, где искать растение и как его различать, появляются только в качестве безымянного источника информации.

Это условная сцена, созданная для статьи, а не описание определённого музея. Мы пока не знаем, что именно было известно каждому участнику, какие записи сохранились и почему исчезли имена. Но уже можем заметить устройство рассказа: одним людям принадлежит открытие, другие поставляют материал. Если добавить к стенду ещё один портрет, устройство может остаться прежним. Поэтому вопрос начинается раньше: по каким правилам здесь решают, кто производит знание?

О чём эта статья

Деколониальное чтение помогает исследовать, как отношения господства входят в классификации, образовательные программы, способы цитирования и представления о достоверном знании. Оно требует различать авторов и исторические ситуации. Ниже мы обратимся к Анибалю Кихано, Марии Лугонес, Линде Тухивай Смит и Сильвии Ривере Кусиканки. Их работы не образуют единой доктрины, а критика одного автора другим составляет часть разговора. Современные примеры и вопросы к ним — наше развитие этих проблем, а не высказывания названных мыслителей.

@andrey.zarinsh @ilkutki

1. Почему смена политического статуса не закрывает вопрос о знании

У Кихано колониальность обозначает устройство власти, которое может сохраняться после завершения формального колониального управления. В начале статьи «Coloniality of Power, Eurocentrism, and Latin America» он связывает историческое формирование расовых классификаций с организацией труда и мирового господства. Евроцентризм в этой постановке касается не только происхождения автора, но и порядка, в котором определённый опыт становится универсальной мерой. Это конкретная историческая и теоретическая версия, требующая обсуждения; её нельзя использовать как готовое объяснение любой несправедливости. Кихано, 2000.

Попробуем понять различие на самостоятельном примере. Учебное заведение может сменить название, руководство и официальный язык. При этом перечень обязательных книг, правила аттестации и представление об образованном человеке могут измениться значительно меньше. Формальное решение и устройство повседневного признания движутся с разной скоростью. Из этого ещё не следует, что каждое сохранённое правило вредно. Следует более скромный вывод: политическое событие само по себе не отвечает на вопрос о том, как устроено производство авторитета.

Здесь полезно избегать двух поспешностей. Первая объявляет прошлое законченным, потому что изменились государственные институты. Вторая описывает настоящее так, словно никакого изменения вообще не произошло. Между ними остаётся историческое исследование: какие зависимости действительно сохраняются, какие ослабли, какие возникли заново? Кто может оспорить классификацию, а кто должен сначала принять её, чтобы получить право выступать?

Если любой существующий порядок заранее называется колониальным, понятие перестаёт различать ситуации. В хорошей аргументации оно должно что-то обнаруживать: механизм исключения, конкретную историю категории, неравное распределение возможности устанавливать правила. Одного морального неодобрения недостаточно. Читатель вправе спросить, какое наблюдение изменило бы вывод исследователя. Критическая перспектива становится сильнее, когда допускает такой вопрос к самой себе.

2. Источник сведений и автор объяснения — разные места в рассказе

Вернёмся к условной выставке. Возможны несколько историй. Путешественник мог записать давно известное местным людям описание. Он мог впервые сопоставить несколько наблюдений, полученных от разных собеседников. Он мог ошибиться в переводе названия. Возможно, сами собеседники сознательно сообщили только часть сведений. До изучения документов нельзя выбрать одну из этих версий. Деколониальный вопрос не разрешает нам придумать отсутствующие свидетельства, даже если такая история выглядела бы справедливее.

Однако сам способ распределять роли доступен исследованию. Человек, который знает место произрастания растения, может считаться информантом; человек, который переносит сведения в признанный жанр, — исследователем. Такое различение иногда описывает реальную разницу выполненной работы. Оно становится проблемой, если одна сторона систематически лишается возможности быть соавтором, проверять интерпретацию или определять дальнейшую судьбу сообщённого знания.

Поэтому важны не только пропущенные имена. Кто выбирал вопрос? Кто мог отказаться? Кому был доступен окончательный текст? Кто получал образование, оплату и возможность продолжить исследование? Дополнительная благодарность в конце книги может исправить одно упущение и оставить остальные отношения прежними. И напротив, совместное авторство ещё не гарантирует равного участия, если ключевые решения принимаются без одного из авторов.

При этом следует различать признание вклада и установление истинности. Справедливая атрибуция не превращает любое сообщённое утверждение в доказанный факт. Исправление ошибки не отменяет вклад человека, который помог сформулировать вопрос. Эти две работы могут происходить одновременно: пересмотр истории авторства и проверка содержания. Их смешение порождает ложный выбор между уважением к людям и вниманием к свидетельствам.

Есть и различие между включением нового имени и изменением порядка объяснения. Представим, что к нашему стенду добавили фотографию местного собеседника, но подпись сообщает лишь, что он помог путешественнику. Его роль стала видимой, однако вопрос по-прежнему принадлежит другому: ценится то, что понадобилось для признанного открытия. Если же каталог исследует собственные вопросы собеседника, его способы проверки и причины сообщить определённые сведения, появляется иная структура рассказа. Он становится участником истории мысли, а не только истории обслуживания чужого исследования.

Такой пересмотр не требует искусственно уравнять вклад. Возможно, организовать коллекцию и сформулировать новую классификацию действительно смог путешественник. Возможно, без знаний собеседника эта работа была бы невозможна. Можно признать обе зависимости, не распределяя почести заранее поровну. Справедливость описания состоит в точности ролей и оснований признания. Она теряется и тогда, когда одну роль скрывают, и тогда, когда из желания исправить прошлое выдумывают другую.

3. Лугонес: недостаточно добавить женщин к уже готовой схеме

В «Heterosexualism and the Colonial / Modern Gender System» Лугонес рассматривает взаимное устройство расовых и гендерных классификаций. Она вступает в критический разговор с Кихано: анализ колониальности, по её мнению, требует более глубокого исследования того, как сами представления о поле и гендере участвуют в господстве. Её аргумент также направлен против способов говорить о женщинах как об однородной группе, не замечая расовых различий. Здесь важна постановка проблемы, а не утверждение, будто одна схема уже объяснила все общества. Лугонес, 2007.

Наш современный пример — исследовательская анкета о доступе к обучению. Составители сначала разделяют участников на мужчин и женщин, потом отдельно спрашивают о языке, доходе и месте проживания. Такая анкета может быть полезной для определённой задачи. Но её устройство предполагает, что группы уже определены, а остальные различия лишь добавляют характеристики. Между тем само право считаться подходящим учеником может зависеть от сочетания признаков, которое не складывается из независимых строк таблицы.

Допустим, две участницы формально имеют одинаковый образовательный статус. Одну приглашают выступать от имени профессионального сообщества; другую просят рассказать о бытовом опыте, но не предлагают обсуждать методику. Если исследование заметит только количество женщин среди выступающих, оно может пропустить различие их ролей. Вопрос касается не просто присутствия, но и того, какие виды высказывания разрешены каждому человеку.

Отсюда не следует, что всякая категория бесполезна или что никакие сравнения невозможны. Следует проверять, какую работу выполняет выбранное различение и кого оно делает невидимым. Для исторических утверждений особенно необходима осторожность: устройство пола, родства и власти в определённом обществе нельзя восстановить из общей теории без местных свидетельств. Критика универсальной

модели сама потеряет убедительность, если предложит взамен другую универсальную историю, нечувствительную к разногласиям и изменениям.

4. Линда Тухивай Смит: исследование может менять хозяина вопроса

Во введении к «Decolonizing Methodologies» Линда Тухивай Смит пишет из позиции колонизированных и исследует связь научного исследования с имперским присвоением. Она обращает внимание на ситуацию, когда знания и культурные формы извлекаются, а создавшие их люди лишаются признания и возможностей определять собственное будущее. В предисловии ко второму изданию Смит поясняет: книга направлена на новые способы исследования с коренными народами и на их собственные исследовательские устремления. Это позиция определённого автора, а не поручение говорить за все коренные сообщества. Смит, 2012, предисловие и введение.

Представим исследование местного водоёма. Университетская группа хочет описать традиционные названия участков берега. Жители считают более срочным вопрос о последствиях строительного проекта. У обеих задач может быть смысл. Но если первая получает финансирование, а вторая исчезает как недостаточно научная, распределение власти уже произошло до первого интервью. Согласие ответить на вопросы ещё не означает участия в выборе цели.

Можно различить по меньшей мере три возможности. Участников информируют о готовом проекте. Им позволяют корректировать отдельные вопросы. Они участвуют в определении задачи, интерпретации результатов и условий распространения. Разница между этими возможностями существенна. Для небольшого исследования не всегда осуществима последняя форма, но честное описание участия лучше широкого обещания сотрудничества, которое фактически означает лишь доступ к собеседникам.

При этом слово «сообщество» не указывает на одного человека с готовой волей. Старшие и младшие участники, уехавшие и оставшиеся, люди разных профессий могут расходиться в интересах. Встреча с признанным представителем не снимает вопроса, кого он действительно уполномочен представлять. И исследователь, и местный руководитель могут пользоваться языком общего блага, скрывая несогласие. Деколониальная работа теряет смысл, если меняет только того, кто получает право говорить от имени остальных.

5. Что делает перевод — и чего он не может вернуть

Знание переходит между языками вместе с выбором значений. Предположим, в нашем условном архиве одно слово обозначает участок земли, отношения с ним и обязательства участников. Переводчик использует слово «собственность», потому что оно понятно читателю каталога. Мы не утверждаем, что такой случай имел место в конкретной традиции. Мы рассматриваем возможность: перевод может сделать выражение доступным, одновременно навязав ему чужое устройство вопросов.

Первая проверка здесь вполне предметна: кто предложил перевод и на каких примерах его испытывали? Может ли носитель языка объяснить ситуацию, в которой этот эквивалент вводит в заблуждение? Есть ли альтернативные варианты? Такая работа требует времени и внимания к употреблению. Ссылка на непереводимость без дальнейшего объяснения тоже может стать способом присвоить власть: читателю предлагают довериться единственному посреднику, потому что самостоятельная проверка якобы невозможна.

Сохранение оригинального слова иногда помогает, но не решает проблему автоматически. Слово может превратиться в привлекательный символ, оторванный от отношений и практик, которые придавали ему смысл. Тогда видимая уважительность языка соседствует с прежней поверхностностью понимания. И наоборот, перевод обычными словами не обязательно уничтожает различие, если автор объясняет свои решения, показывает ограничения и сохраняет возможность возражения.

Вопросы о переводе касаются и жанра. Рассказ, песня, карта и перечень тезисов допускают разные способы связи между частями. Перевести рассказ в набор утверждений — значит выполнить полезную для одной задачи работу, но получить новый объект. Читатель может внимательно различать оригинальную форму, перевод и исследовательский комментарий. Это не гарантирует полного понимания; зато препятствует незаметному превращению комментария в единственный голос источника.

Проблема перевода становится особенно заметной, когда читатель требует краткий ответ. Допустим, составитель каталога хочет одно слово, позволяющее сравнить несколько описаний участка земли. Подробный рассказ кажется ему неудобным. Но неудобство может указывать на разные вещи: плохую редактуру, избыточность объяснения или действительное несовпадение предметов. Последнее нельзя исправить только сокращением. Иногда для честного сравнения понадобится назвать различие, которое первоначальная таблица вообще не предусматривала.

С другой стороны, бесконечное требование контекста способно лишить читателя возможности что-либо понять. Если всякое краткое объяснение объявляют насилием,

разговор о различии оказывается невозможным. Поэтому задача не сводится к выбору между исчерпывающим рассказом и упрощением. Можно указать цель перевода, предложить ограниченный эквивалент и назвать случаи, где он перестаёт работать. Такое решение сохраняет доступность и не выдаёт доступность за полное тождество.

6. Пустое место в архиве не является разрешением сочинить ответ

Отсутствие записи допускает множество объяснений. Человек мог не иметь доступа к письму. Запись могла быть утрачена, не принята редактором или намеренно не создана. Участник мог отказаться передавать сведения постороннему. Если исследователь заранее считает всякое молчание следствием одного механизма, он перестаёт слышать различие этих ситуаций. Хорошее восстановление истории включает пределы восстановления.

В условном каталоге можно написать: имя собеседника не установлено, его вклад упомянут автором дневника, других свидетельств пока не найдено. Это менее эффектная подпись, чем уверенное утверждение о скрытом соавторе. Но она отделяет документированное от предполагаемого и оставляет пространство для дальнейшего исследования. Неопределённость здесь является частью уважения к человеку: ему не приписывают роль, которую он, возможно, сам отверг бы.

Есть и более трудный случай: сведения сохранились, но их доступность не означает согласия на любое распространение. Человек мог рассказывать историю для определённого круга, не предполагая публикации в поисковой системе. У нас может быть техническая возможность копировать запись и недостаточное основание считать это уместным. Это практический вопрос о договорённостях и контексте, а не готовая юридическая оценка конкретного архива.

Однако признание ограничений доступа не должно автоматически отдавать всё знание под контроль наиболее влиятельного представителя. Право отдельного рассказчика, коллективные договорённости и интересы несогласных участников могут вступать в конфликт. Его нельзя разрешить словом «традиция» без уточнения, кто толкует её требования. Иногда ответом становится отказ от публикации; иногда — более узкая форма доступа; иногда требуется признать, что согласованного ответа пока нет. Одно универсальное правило не заменит разговора об определённой ситуации.

7. Ривера Кусиканки: критический язык тоже может стать ресурсом господства

Сильвия Ривера Кусиканки критикует академические отношения, в которых исследовательские центры присваивают право производить престижную теорию, а другие участники поставляют материал. Её полемика касается и авторитетного деколониального языка: само употребление таких понятий не обеспечивает изменения практики. Этот внутренний конфликт важен для чтения — он мешает принять деколониальность за единодушное движение с готовым списком правильных авторов. Ривера Кусиканки, 2012.

Рассмотрим собственный пример. Издательство выпускает серию о забытых голосах. Внешне всё устроено убедительно: новые имена на обложках, критическое предисловие, несколько языков. При этом договоры, порядок отбора и возможность авторов оспаривать редактуру остаются непрозрачными. Серия может содержать хорошие книги и одновременно воспроизводить отношения, которые она обещает исследовать. Проверка содержания и проверка условий производства снова оказываются разными работами.

Обратная проблема возникает, если право говорить о теме закрепляют за узким кругом признанных представителей. Тогда новый канон приобретает собственную периферию: неудобный местный автор, исследователь другой школы или человек без академической должности опять оказывается недостаточно подходящим. Смена географической карты авторитетов ещё не делает порядок открытым. Полезно спросить, допускает ли он возражения людей, которых объявляет включёнными.

Это не повод свести критическую работу к обвинению в лицемерии. Между заявленным принципом и реальной практикой часто возникает напряжение, которое можно сделать видимым и исправлять. Но исправление требует конкретных изменений: доступности рукописи, права на ответ, понятного распределения труда, признания переводчика или соавтора. Выразительная теория сама по себе не выполняет эту работу. Иногда небольшой пересмотр процедуры имеет больше последствий, чем ещё одно предисловие о радикальном переломе.

8. Происхождение утверждения не решает вопрос о его достоверности

Критике подлежит и требование подлинности. В нашем современном мысленном примере редактор приглашает автора из сообщества, чью историю прежде редко публиковали. Автор хочет написать о современной городской жизни, но редактор ожидает рассказа о традиционных обрядах. Первый текст кажется ему недостаточно представительным. Так приглашение говорить сопровождается указанием, о чём должен говорить подходящий представитель. Человек получает место при условии, что подтверждает заранее выбранный образ.

Отказ от этого требования не обесценивает традицию. Он признаёт, что отношение к ней может быть разным: продолжение, изменение, критика, частичное участие или дистанция. Если только одна форма признаётся подлинной, остальные люди становятся неудобными свидетелями собственного общества. Деколониальное чтение поэтому нуждается не только в новых представителях, но и в праве автора не соответствовать ожиданию, ради которого его включили.

И обратное предостережение здесь существенно. Отдельный автор не обязан представлять всех, но его личная позиция также не даёт основания описывать весь коллектив. Можно внимательно читать её как определённый голос, отмечать его место и сопоставлять с документированными возражениями. Такое сопоставление не должно превращаться в бесконечный поиск человека, который подтвердит любимый тезис исследователя. Иначе множественность используется лишь как запас удобных цитат.

Существует соблазн заменить прежнюю иерархию зеркальной: считать любое внешнее знание подозрительным, а любое местное — верным. Такая позиция может выглядеть защитой достоинства, но лишает людей права ошибаться, спорить и учиться друг у друга. Она требует от сообщества сохранять безупречную коллективную мудрость. Человек, который замечает ошибку в привычном объяснении, становится угрозой образу подлинности.

Здесь нужны разные вопросы. Как возникло утверждение? Почему оно получило авторитет? Какие свидетельства его поддерживают? Кто несёт последствия его применения? Ответы могут не совпадать. Знание, добытое несправедливым способом, может содержать точные сведения; это не оправдывает способ добычи. Уважительная совместная работа может привести к ошибочному заключению; это не делает сотрудничество ненужным. Именно различение позволяет критиковать оба уровня без разрушения одного другим.

То же относится к происхождению понятий. Европейское происхождение термина не доказывает его универсальности и не доказывает его неприменимости. Местное происхождение не освобождает понятие от вопроса о его границах. В конкретной задаче можно сравнить несколько описаний и увидеть, какие различия каждое сохраняет. Возможно, ни одно не будет достаточно хорошим; возможно, их удастся уточнить через взаимную критику. Для такого результата не требуется заранее объявлять все традиции согласными.

Деколониальное чтение и латиноамериканская философия освобождения здесь соприкасаются, но не совпадают. Можно спросить, кто исключён из устройства общественной жизни и как меняется ответственность перед ним. Можно исследовать историческое производство категорий, благодаря которым такое исключение выглядит естественным. Эти вопросы способны поддерживать друг друга. Однако различие задач, авторов и споров остаётся значимым: объединение их под одной красивой этикеткой снова скроет часть истории.

9. Практика чтения: увидеть устройство одной страницы

Для самостоятельного размышления можно выбрать небольшой фрагмент: музейную подпись, введение к учебнику, исследовательскую анкету или популярный рассказ об открытии. Достаточно одной страницы. Сначала полезно восстановить её прямое содержание: кто что утверждает, какие свидетельства приводит, что признаёт неизвестным. Критика становится точнее, если не начинает с обвинения, опережающего чтение.

Затем можно посмотреть на распределение ролей. Кому принадлежат глаголы «исследовал», «объяснил», «открыл»? Кто лишь сообщает сведения или изображается объектом наблюдения? Есть ли объяснение, почему роли распределены именно так? Иногда оно окажется убедительным. Иногда обнаружится привычный редакционный выбор, которому не уделили внимания. Сама разница ролей ещё не является доказательством несправедливости, но даёт проверяемый вопрос.

Следующий шаг — найти границы перевода и интерпретации. Где заканчивается документ и начинается комментарий? Какие слова представлены как очевидные, хотя могут нести спорное различение? Что произошло бы с выводом, если заменить одно такое слово более подробным описанием? Можно записать две версии подписи: исходную и уточнённую. Уточнённая версия не обязана быть обвинительной; иногда её основное достоинство состоит в честной отметке о неизвестном.

Наконец, стоит спросить о возможности возражения. Кто мог бы не согласиться с данным представлением и где такой ответ мог бы появиться? Отсутствующий человек не

может проверить наше воображаемое восстановление его мнения. Поэтому можно отдельно записать документированные возражения, обоснованные вопросы и предположения. Это добровольная практика внимания, а не обязательство публично выступать, раскрывать личную историю или самостоятельно разрешать спор о правах на материалы.

10. История знания становится сложнее — и потому яснее

У подобного чтения есть собственная дисциплина отрицательных результатов. Исследователь может начать с подозрения об исключении и обнаружить ясное признание вклада в менее известной части архива. Может найти, что предполагаемое согласие сообщества никогда не существовало. Может установить точный механизм присвоения и при этом не восстановить имя человека. Все три исхода заслуживают описания. Если принимается только результат, соответствующий первоначальному ожиданию, критическая работа теряет способность учиться у материала.

Поэтому полезно разделять вопрос, свидетельство и вывод. Вопрос открывает исследование; свидетельство ограничивает допустимые ответы; вывод сохраняет условия, при которых его можно пересмотреть. Уважение к прежде исключённым голосам требует этой точности не меньше, чем уважение к признанным авторам. Оно не делает их удобными персонажами новой истории и не заставляет отсутствующих людей подтверждать наши нынешние убеждения.

В конце вернёмся к выставке. Возможно, после исследования рядом с дневником появится имя собеседника. Возможно, выяснится, что дневник содержит ошибки, а представление о единственном открытии вообще не подходит этому случаю. Возможно, главным результатом станет точное указание на то, чего мы пока не знаем. Ни один из этих исходов не обязан заранее подтверждать любимую теорию посетителя.

Деколониальное чтение приобретает силу, когда позволяет ставить вопросы к собственным средствам. Кто выбирает новую историю? Как она обращается с несогласными? Не превращает ли участие в заранее установленную роль? Не использует ли уважение к неизвестному человеку как повод говорить вместо него? Такие вопросы сохраняют различие между исследованием, признанием и присвоением.

Знание не обязано терять возможность проверки, чтобы приобрести более справедливую историю. И расширенная история не обязана завершаться общей картиной мира, в которой все голоса наконец говорят одно и то же. Иногда её результат — более точное понимание разногласия, более ясная ответственность за собственный рассказ и возможность оставить место открытым для ответа, которого у нас ещё нет.

Использованные источники

1. Aníbal Quijano. «Coloniality of Power, Eurocentrism, and Latin America». *Nepantla: Views from South* 1(3), 2000, 533–580. Доступный текст. Использовано начало статьи; полный текст не заявляется прочитанным.

2. María Lugones. «Heterosexualism and the Colonial / Modern Gender System». *Hypatia* 22(1), 2007, 186–209. Доступная копия. Использован вступительный аргумент; ограничения распознавания текста учтены.

3. Linda Tuhiwai Smith. *Decolonizing Methodologies: Research and Indigenous Peoples*. Second edition. Zed Books, 2012; первое издание 1999. Издательский предварительный просмотр. Прочитаны доступные части предисловия и введения; книга целиком не прочитана.

4. Silvia Rivera Cusicanqui. «Ch'ixinakax utxiwa: A Reflection on the Practices and Discourses of Decolonization». Перевод Brenda Baletti. *South Atlantic Quarterly* 111(1), 2012, 95–109. Доступный английский текст. Использованы фрагменты критики академического производства теории.